

МАЛАЯ КНИГА С ИСТОРИЕЙ

В.С. Новицкая

ПЕРВЫЕ ГРЁЗЫ

Повесть

Иллюстрации

Е. П. Самокиш-Судковской

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МЕЩЕРЯКОВА
2019

I

ДАЧА. МОИ СТАРУШКИ. ДИВНЫЕ ВЕЧЕРА

Вот уже почти две недели, что мы на даче. Как здесь хорошо, тихо, уютно, приветливо. Квартира у нас небольшая, но симпатичная. Впрочем, не всё ли равно, какова она? Разве летом сидишь в комнатах? Да никогда. Живёшь в саду, а сад-то у нас такой милый, большой, тенистый; им-то папа с мамой и пленились в поисках за свежим воздухом для своей, по их мнению, всё ещё «слабенькой Муси».

Ближайшая к дому часть – светлая, весёлая, с кустами роз, с каймой сирени по забору, с зелёной сеткой вьющегося по веранде дико-го винограда. Немножко глубже – фруктовые деревья, беседка, тоже заросшая густыми, тёмными виноградными листьями. Совсем в конце три-четыре раскидистые старушки-липы, кусты жасмина и малюсенький запущенный прудик, от которого так вкусно пахнет тиной. Там всегда прохлада и тихо-тихо.

В этом громадном саду всего две небольшие дачки: одну занимаем мы, а в другой живут премилые старушки и, оказывается, мамочкины старинные знакомые, собственно, даже не мамочкины, а бабушкины друзья молодости, которые, однако, гораздо старше даже её; словом, совсем-совсем юные существа,

и все три холостые. Старшей, Марье Николаевне, только 76 лет, младшей, Ольге Николаевне, всего 72. С ними живёт ещё их племянница, Елена Петровна, но эта совершенная девчонка, ей каких-нибудь 54 года. Право, серьёзно, тётки так на неё и смотрят, да и самой ей, кажется, вговорили это. Постоянно слышишь: «Вот, Hélène, ты бы себе такую шляпу купила, премило для молодой девушки». И «молодая девушка», хотя шляпы такой не сделала, но по существу не протестовала. Себя самоё Ольга Николаевна считает особой «средних лет», всегда так о себе и выражается; только одна Марья Николаевна признаёт себя «пожилой». Правда, никто из них не производит впечатления глубоких старушек, совсем нет. Всегда прекрасно одеты, по моде, подтянуты, не кутаются ни в какие платки и шали, сидят всегда навтыжку, никогда не прилягут ни днём, ни после обеда, играют на рояле, читают, работают, причём – о, чудо! – без очков. Никогда у них ничего не болит, не кряхтят, не стонут, всем интересуются и бегают препроторно; бегали бы ещё быстрее, так как силы у них сколько угодно, но одна беда – страшно близоруки, близоруки настолько, что Ольга Николаевна уселась однажды в стоявшее на табуретке блюдо с земляникой, а сестра её основательно искалечила новую шляпу их старо-

Я вижу поразительно прямую, худую и бесконечно длинную особу.

– Знаете, почему она без зонтика?

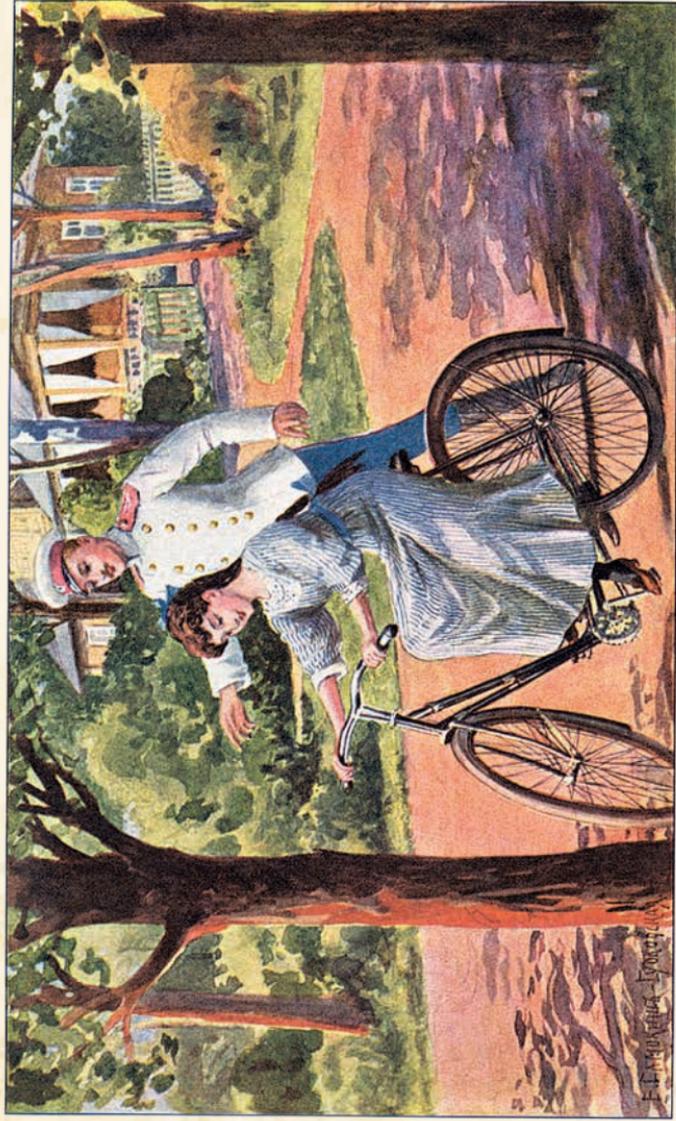
– Ну?

– Она его проглотила. Право-право. Теперь все дамы это делают; посмотрите на их фигуры – мода. Прежде, в старину, говорят, аршины глотали, а теперь перешли на зонтики, удобнее, мягче.

Взобраться на велосипед при таких «грустных» разговорах немислимо.

Раз, два, три... Наконец-то! Сижу. Метнулась вправо, метнулась влево и пошла описывать зигзаги. Боже, как я в эту минуту сочувствую всем пьяницам! Что может быть труднее прямого направления? Хоть геометрия и гласит, что прямая наикратчайшая, но, надо добавить, и наитруднейшая, во всяком случае для велосипедистов и членов общества нетрезвости. Уф! Поехала прямо.

– Отлично, отлично, очень хорошо, так и продолжайте, – одобряет летящий из предосторожности рядом со мной на собственной паре ангел-хранитель. – А теперь берите влево, влево к больнице, мимо помещения дежурного врача, это самое благоразумное, потом немножко влево к артели упаковки и переноски мебели, по крайней мере, мы гарантированы, что так или иначе, но домой доставлены будем.

РАЗ, ДВА, ТРИ... НАКОНЕЦ-ТО! СИЖУ. МЕТНУЛАСЬ ВПРАВО,
МЕТНУЛАСЬ ВЛЕВО И ПОШЛА ОПИСЫВАТЬ ЗИГЗАГИ

Вот противный человек!

Дружеским объятием охватив серебристый тополь, с которым судьба, по счастью, деликатно свела меня, я слезаю со своего самоката. Ох, неправда, вовсе это не самокат, — ещё как упирается, а коли сам и катится, то именно туда, куда не нужно.

Теперь я совершенно прилично езжу, и мы с Николаем Александровичем совершаем большие прогулки. Несёшься быстро-быстро. Как приятно! Дух захватывает, а кругом мелькает высокая, стройная, уже слегка колосющаяся рожь, заманчиво сверкают приветливые синенькие глазки василька.

Мы делаем маленькую станцию где-нибудь под тенистым деревом. Николай Александрович затягивается папироской и вполголоса что-то напевает; у него такой приятный, мягкий баритон.

Я смотрю на милые васильки, потом наверх, на ясное бирюзовое небо, на перламутровые искрящиеся облачка, резвящиеся на нём. Как я люблю глядеть на них! Как грациозно скользят эти лёгкие белые тени! Вот высокие, стройные девушки в воздушных хитонах; нежно обнявшись, точно задумавшись, тихо бредут они, а кругом толпы маленьких беленьких деток, резвятся, обгоняя друг друга, нагоняя светлых девушек; и большие серебристые,

ТЕПЕРЬ Я СОВЕРШЕННО ПРИЛИЧНО ЕЗЖУ,
И МЫ С НИКОЛАЕМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ
СОВЕРШАЕМ БОЛЬШИЕ ПРОГУЛКИ

о нас не беспокойтесь, ничего неприятного выйти не может, он милейший, добрейший человек, сам, вероятно, не меньше нас смеётся теперь над всем происшедшим.

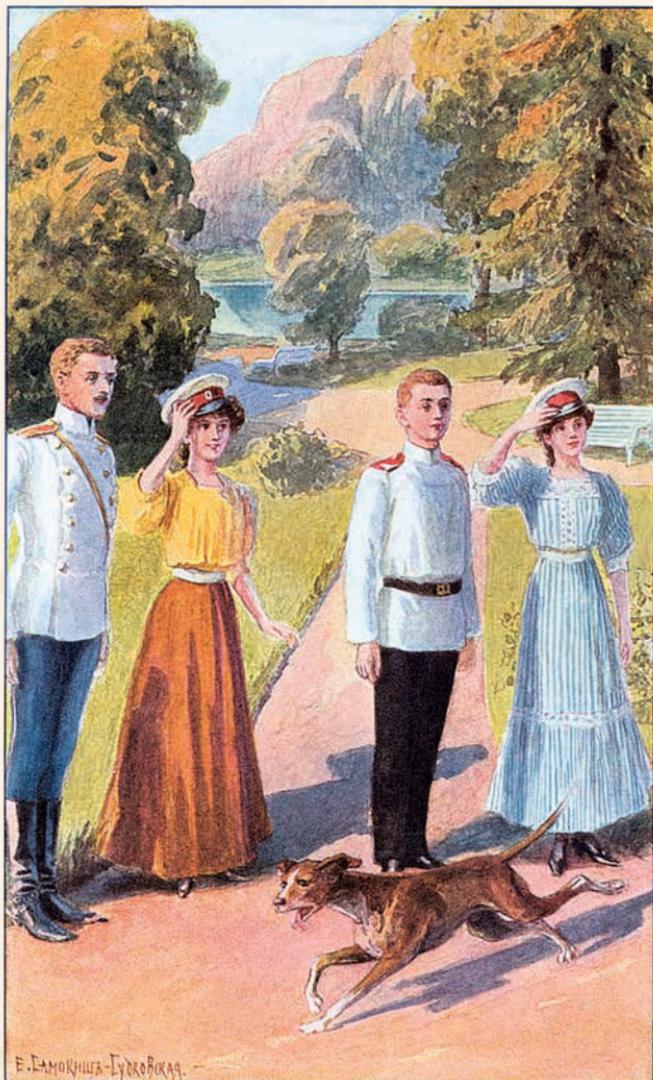
Нет, это прелесть, это восторг! Вот так отличились!

Дома рассказ наш производит впечатление, все очень смеются.

Уже совсем поздно. Мы лежим с Любой в своих постелях, но сна ни в одном глазу, ни шутить, ни дурачиться нет настроения, мы устали за день от шума и смеха; хочется побеседовать, поделиться впечатлениями, поговорить по душе. Люба подробно рассказывает мне своё житьё-бытьё в имении бабушки, куда вскоре после их приезда явился бесследно было исчезнувший после рождественской исповеди Пётр Николаевич. Отчасти вкратце я уже знаю всё это из писем, но в словах её проскальзывает, а главное, в самом звуке их слышится мне нечто новое.

— Что ж, — спрашиваю я, — больше у тебя никакого объяснения с ним не было?

— Объяснения? Ты, значит, не имеешь ни малейшего понятия о том, каковы наши отношения. Да он совершенно не замечает меня, я бы для него вовсе не существовала, если бы не те удобные и неудобные случаи, когда он может говорить мне колкости, почти дерзости... Удивляюсь только, откуда у него

МЫ С ЛЮБОЙ УСТРАИВАЕМСЯ, ОДНА
ПО ПРАВУЮ, ДРУГАЯ ПО ЛЕВУЮ СТОРОНУ
ДОРОЖКИ, И «КОЗЫРЯЕМ» ОФИЦЕРУ

Как тут радостно сердце забилось,
Сколько светлых минут
Было прожито тут,
Сколько чудных речей говорилось.
Тихо было кругом,
Мы сидели вдвоём,
Лишь цветы на стеблях колыхались;
Много было их там,
И казалось нам,
Будто с нами они говорили:
Скромный беленький тмин,
Ярко-белый жасмин
Нам надежду на счастье сулили...

* * *

Не сбылися те сны,
Обманули они..
Я развеянных грёз не жалею,
Но тех скромных кустов
И их белых цветов
Разлюбить и забыть не сумею...

Последнее время как-то с особым интересом читается и думается мне. Я целый день с книгой; отчасти потому, что надо многое просмотреть по литературе для Дмитрия Николаевича, отчасти по собственному влечению. Скоро, вероятно, дадут домашнее сочинение. Интересно, на какой теме остановится Дмитрий Николаевич: на курсовой, то есть

САМА НЕ ЗАМЕЧАЮ,
КАК В ГОЛОВЕ МОЕЙ СКЛАДЫВАЕТСЯ
СТИХОТВОРЕНИЕ

– Спасибо, спасибо! Спасибо, дорогие, спасибо, милые мои!.. За всё спасибо!.. До свидания! До радостного, счастливого, Бог даст, скорого свидания!..

Сама она теперь твёрдо, глубоко верит в него. Дай Бог, дай Бог!..

А мне так грустно... В глазах у меня неотвязно стоит согбенная, скорбная, высокая фигура человека с бледным лицом, словно застывшая на платформе вокзала, с неподвижно устремлённым взором в сторону уходящего поезда; горькие, тяжёлые слёзы обильно и беспомощно текут по его убитому лицу...

Что думает, что чувствует сейчас Вера? С каждым проходящим часом поезд всё ближе и ближе несёт её к жаркому солнцу и яркому югу. Боже мой, Боже! Неужели они не оправдают её горячей веры в них?..

XII

РАДОСТНАЯ ВЕСТЬ.

КУТЁЖ У ПОМОЙНОГО ВЕДРА

Я и не запомню, когда держала в руках дневник, верно уж месяца полтора прошло, но всё это время я была в таком скверном настроении, что ничто не интересовало и только так,

Я СОВСЕМ НЕ МОГУ ГОВОРИТЬ,
ТОЛЬКО СМОТРУ И СМОТРУ
НА ЭТО МИЛОЕ, БЕДНОЕ ЛИЧИКО

Вдруг глазам нашим представляется очаровательное зрелище: робкая, несколько сконфуженная, появляется Грачёва; на бледном лице её огненно-красным пылающим маяком горит нос. Взоры всех невольно сосредоточиваются на этом ярком, блестящем предмете; соответствующие возгласы слышатся кругом; малыши бесцеремонно ей прямо фыркают в лицо.

– Клюква ягода, клюква! – раздаётся голосок нашей первой шалуньи, седьмушки Карцевой. Окружающая её свита малышей заливается звонким смехом.

Таня делает поползновение достать носовой платок, но, очевидно, рука её въезжает в клейкое «тюки-фрюки», облепившее его кругом; она выдёргивает её и, прикрыв свой пламенный лик злополучной сумочкой, бегом бежит в умывальную.

– Господа участвующие, на сцену! – несётся голос Елены Петровны, распоряжающейся действующими лицами.

Я поспешно лечу, хотя не мне начинать, наоборот, мой номер последний в первом отделении.

Публика почти вся на местах. Вот сидят генералы на синей подкладке – это всё наши, учебные. Но есть и на красной – те, кажется, опекуны, почётные попечители и т.п. Вот рядом с Сашей Снежиным Николай Александрович,

«ГРАЧЁВА, ГРАЧЁВА, РАДИ БОГА, ИДИ!
ТЕБЯ ТРЕБУЮТ ТУДА СИЮ МИНУТУ»